

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

В.Я. Фетисов

ПОЗНАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ МАТРИЦ

Рецензия на книгу: Дудина В.И. Эпистемические матрицы социологического знания. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2013. — 224 с. ISBN 978-5-288-05440-2

Многие авторы характеризуют современное состояние социологии как кризисное. Для такой оценки есть веские основания: чрезмерная атомизация социологического знания, господство в нем номинализма и методологического индивидуализма, разрыв теоретического и эмпирических уровней исследований, вращение дискуссий в кругу одних и тех же антиномий, отрицание идеи развития и замены ее изменениями, низкая прогностическая способность и востребованность со стороны общества. Однако задача теоретиков заключается, естественно, не только в констатации кризиса, но и в выявлении его причин, раскрытии способов преодоления. В данном отношении особый интерес представляют рецензируемая книга, а также статьи В.И. Дудиной (Дудина 2012; 2013).

Автор видит основную причину кризиса социологии в том, что к ней прилагается устаревшая эпистемология, которая, оставаясь в рамках классических схем, не учитывает историческую и социальную обусловленность форм мышления (Дудина 2013: 23). Поэтому главная проблема, стоящая перед социологией, должна быть переформулирована в вопрос о том, какого рода знания дает нам эта наука. Кризис социологии по существу означает не что иное, как кризис эпистемологического обоснования получаемого знания. Поскольку отдельные науки развиваются более динамично по сравнению с общей теорией познания, то последняя отстает от первых, уподобляясь старой няне, не способной поспевать за ребенком. Отсюда делается вывод о необходимости разработки новой эпистемологической стратегии (Дудина 2013: 15, 23).

Эпистемология, по мнению В.И. Дудиной, должна быть отправлена из сферы философии под юрисдикцию отдельных дисциплин. Лишь в этом случае она будет способна обосновывать добываемое ими знание (Дудина 2013: 18). Полностью согласиться с данным положением нельзя, ибо игнорирование общей теории познания, как показывает исследовательская практика, негативно

Фетисов Владимир Яковлевич — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (acooper2002@mail.ru)

Fetisov Vladimir — Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (acooper2002@mail.ru)

сказывается на методологии и методах отдельных наук. Следовательно, целесообразнее ставить вопрос о взаимодействии этих теорий, приобретающих особый характер на каждом крупном этапе познавательной деятельности.

Что же касается конкретно социологии, то она действительно страдает от собственной эпистемологической неуверенности. Испугавшись своей ненаучности, она, по словам М. Буравого, сопротивляется проверке собственных гносеологических основ. Поэтому постановка вопроса В.И. Дудиной о необходимости разработки новой эпистемологической стратегии обоснованна и актуальна. Это заявление, сделанное в начале книги, не может не вызывать интерес по многим причинам, прежде всего потому, что в литературе, как правило, дается анализ отдельных, не связанных между собой методов и средств исследований. В книге внимание сосредоточено не на готовом знании и отдельных способах его получения, а на исследовании как целостном процессе, в котором, как в фокусе, сходится множество моментов познавательной деятельности. В качестве важнейших из них выделяются позиция субъекта познания, идеальная схема реальности или теория, способ действия в рамках определенной предметной сферы или метод (Дудина 2013: 38). Можно по-разному оценивать изложенное представление об исследовательском процессе, но ориентация на раскрытие связей и взаимодействия между его составляющими, анализ как целостного явления, безусловно, плодотворен. В этом плане показательна статья Ю.Н. Толстой, в которой подчеркивается актуальность выявления связей между методами исследования и теорией (Толстова 2013).

Достоинство работы видится и в том, что обстоятельно раскрывается содержание каждого компонента исследовательского процесса. Особое внимание в нем уделяется позиции субъекта познания. Вопрос о позиции или перспективе исследователя, как подчеркивается, — квинтэссенция эпистемологической теории (Дудина 2013: 39). Представляется, что выявление зависимости каждой составляющей от ее места и функций внутри целого, а также их иерархичность требует дальнейшего анализа. Тем не менее, и эта часть книги содержит немало неординарных мыслей, в чем может убедиться читатель (Дудина 2013: 33–49).

Конкретизируя и развивая положение о взаимодействии различных компонентов исследовательского процесса, автор выдвигает понятие «эпистемическая матрица» как социального конструкта, в котором находит выражение целостность исследования. Термин «эпистемическая матрица» означает: речь идет о принципах познания в отдельно взятой науке, в отличие от эпистемологии как философской дисциплины. «Эпистемическая матрица, — отмечает автор, — представляет собой непротиворечивую, внутренне упорядоченную модель познавательной деятельности, которая сводит воедино различные компоненты исследовательского процесса и наглядно демонстрирует их взаимозависимость и взаимообусловленность» (Дудина 2013: 63). Обобщенная структура эпистемической матрицы наглядно представлена в таблице (с. 64). Во введении данного понятия и его обосновании проявилась новизна авторского подхода к процессу познания социальной реальности. В данном плане нельзя не обратить внимания на проведенный автором сравнительный анализ концептов «научная парадигма» и «эпистемическая матрица», где показывается их сходство и различный познавательный потенциал (Дудина 2013: 60–66).

Основной недостаток парадигмы усматривается в том, что она, как правило, концентрирует внимание на уже созданных теориях, становится не столько инструментом познания, сколько способом классификации знания. В матрице же акцент делается на внутренней структуре исследовательского процесса и поэтому она в большей мере служит решению научных задач.

Далее, что вполне логично, дается типология эпистемических матриц, обосновываются ее критерии, в качестве которых выступает различное соотношение субъекта и объекта познания. «Спектр ответов на вопрос о соотношении субъекта и объекта познания, — отмечает автор, — рассматривается по шкале “объективизм — субъективизм”: от радикального противостояния субъекта и объекта познания до допущения, что реальность, как она дана субъекту познания, является проекцией сознания исследователя или продуктом его практик» (Дудина 2013: 67). Предложенный подход к типологии матриц представляется оправданным. Он позволяет, во-первых, четко определить специфику существующих в настоящее время ориентаций в исследовании социальной реальности, и, во-вторых, что особенно важно, проследить его эволюцию, раскрыть связь между отдельными этапами, выявить онтологические основания каждого из них.

В книге выделяются три типа матриц, анализу каждой из которых посвящена специальная глава, сопоставимая по своей структуре и объему с другими главами. В основу дифференциации матриц положена форма познавательной активности — наблюдение, интерпретация и вмешательство (Дудина 2013: 67). Критерии разделения познавательных матриц на различные виды не вызывает принципиальных возражений. Однако следует отметить, что та или иная форма познания, характеризующая каждую матрицу, не должна вести к умалению, а тем более к игнорированию тех форм познания, которые представляют основу иных матриц. Другое дело, что в каждой последующей матрице они встраиваются в новые связи и отношения, приобретая при этом уже подчиненный характер. Вновь достигнутое в познавательной деятельности вовсе не отрицает результатов предшествующих усилий, а превращает их во вспомогательные средства.

Вторая глава книги посвящена характеристике объективистской матрицы, ее содержание, как и других матриц, раскрывается по определенной, ранее изложенной схеме. В данной матрице исследователь занимает позицию абсолютного наблюдателя, само исследование очищается как от метафизических проблем, так и от практических результатов (Дудина 2013: 83). Требованиям абсолютного наблюдения соответствуют только атомарные факты — единичные факты поведения, оценочные суждения, мнения (Дудина 2013: 88). Отсюда делается обоснованный вывод: факты в данной концепции наделяются автономным статусом и рассматриваются в качестве базисного уровня знания, что принижает и умаляет роль теории. В данной матрице, следовательно, происходит редуцирование науки к знанию только о фактах. Поэтому она ничего не может сказать людям о важных вопросах их жизни и потому по существу оказывается далекой от социальной реальности. Подводя итог характеристике объективистского видения действительности, автор аргументированно показывает: в качестве его главных черт выступают разделение субъекта и объекта, факта

и теории, теории и практики (Дудина 2013: 107). Объяснение фактов здесь происходит не на основе общей теории о них, а на базе внутренне присущих им свойств, что, по моему мнению, является одной из важнейших причин атомизации современного социологического знания. Последняя, как отмечалось выше, — явный и существенный признак кризиса сегодняшней социологии, ибо системность — атрибут любой науки. Другое дело, что степень системности может быть различной, но лишь через содержание науки как системы можно раскрыть связи и взаимодействия между изучаемыми явлениями. В противном случае научное знание превращается в констатацию фактов, что и подтверждается автором при анализе данной матрицы.

Анализ интерпретативной матрицы осуществлен в следующей главе. Ее основные черты сравниваются со свойствами объективистской матрицы, что позволяет полнее и глубже выявить особенности каждой из них. В интерпретативной матрице явления сознания вводятся в научную картину мира. Сознание исследователя здесь уже не зеркало, а линза, обладающая собственными свойствами. Научное знание в данной матрице рассматривается как сторона практической деятельности, обусловленная социальными факторами. Такое видение позволяет полнее, конкретнее и глубже раскрыть динамику научного знания. Автор концентрирует внимание на основных чертах интерпретативной матрицы, в которой стирается жесткая граница между объектом и субъектом познания. В ней изменяется соотношение между научным фактом, который утрачивает свою автономию, и теорией, приобретающей большее, чем в объективистской матрице, значение. В целях обоснования выдвигаемых положений в работе приводятся и сопоставляются высказывания многих западных теоретиков. Заканчивается характеристика данной матрицы анализом присущего ей метода, основная задача которого сводится к нахождению способов активации значений и смыслов. Автономия фактов здесь ставится под вопрос, релятивизм выступает в качестве одного из главных принципов познания.

И, наконец, о третьей, — перфомативной матрице, которая рассматривается в последней главе книги. Она в трактовке автора — следующий этап в эволюции познавательной деятельности, на котором происходит дальнейшее сближение знания с практикой. Знание в ней рассматривается не как репрезентация и интерпретация реальности, а скорее как ее производство, конструирование, свидетельствующее о возрастании активности субъектов. Такой подход отражается на трактовке всех компонентов матрицы: субъекте и объекте познания, теории и методе. При обосновании данной матрицы автор использует широкий круг литературы. Сближение знания с реальностью здесь представляется как их непосредственное слияние, о чем свидетельствуют приводимые положения о прагматическом и лингвистическом повороте в социальных науках, о фундаментальной онтологии как онтологии языка, сведении реальности к языковой практике и т. д. (Дудина 2013: 158–162). Знание, язык, таким образом, непосредственно превращаются в действие, с чем трудно полностью согласиться. Сведение научного знания к действию, их отождествление ставит под сомнение статус науки. Каждая наука в целом, представляя собой высшую форму познавательной деятельности и, вместе с тем, ее результат, отличается не только от практики, но и от отдельных своих компонентов. Поэтому сведение науки к от-

дельным знаниям, полученным в результате эмпирических и прикладных исследований, порождает почву для их противопоставления. В этом отношении показательна позиция Латура о необходимости различать науку и исследование, его призывы к спасению знания от науки (Дудина 2013: 206–207). Здесь, как представляется, автору книги следовало бы дать критический анализ подобных суждений. Сведение науки к отдельным знаниям, подведение под общий знаменатель знания и действия, имеющее место в современной литературе, ведет к игнорированию специфики науки. Тем самым принижается проблема поиска путей ее эффективного взаимодействия с практикой, а научное знание попадает в ловушку здравого смысла.

Курс на разработку эпистемологической стратегии социологии, выражающийся в выдвижении и анализе эпистемических матриц, представляется плодотворным и перспективным. Он позволяет обнаружить и раскрыть такие стороны и аспекты познания социальной реальности, которые ускользают из поля зрения при частных к нему подходах, ориентирует на выявление специфики социологического знания, методов и способов его получения, на его гносеологическую и социальную легитимацию. Речь идет о преодолении кризиса социологии, который существует постольку, поскольку мы отделяем данную науку от реальности, рассматривая ее лишь как отражение или репрезентацию реальности, а не как ее исполнение (Дудина 2013: 20). Обоснование социологического знания, предпринятое автором, по моему мнению, способствует обретению социологией самоидентичности, что предохраняет ее от многих подстерегающих опасностей, на которые обращается внимание в литературе. Речь идет об угрозе ее превращения, во-первых, в сугубо академическую социологию, имеющую весьма косвенное соприкосновение с реальностью; во-вторых, в коммерческую социологию; в-третьих, в «сервильную» социологию, главная роль которой состоит в удовлетворении потребностей влиятельных агентов и, наконец, в квазисоциологию (Рыкун, Южанинов 2008: 100).

Книга и статьи В.И. Дудиной представляют собой не только заметную веху в эпистемологическом обосновании социологии, но и основу для дальнейших исследований в данной области. При этом важно иметь в виду двойственность социологии. С одной стороны, она представляет собой целостность, обладающую интегративными свойствами, проявляющимися в гносеологических и социальных функциях. С другой, — имеет сложную структуру, состоит из различных видов и уровней знания, каждый из которых выполняет особую роль. Так, например, М. Буравой выделяет в данной науке инструментальное и рефлексивное знание, которое дифференцируется на профессиональную, прикладную, критическую и публичную социологию (Буравой 2008). Поэтому разработка эпистемологической стратегии предполагает учет особенностей не только отдельных ветвей, но и социологии в целом, обращение как к логике познавательного процесса, так и к требованиям, идущим со стороны социальной реальности.

Литература

Буравой М. За публичную социологию, Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008.

Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации и перформативности, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2012, 15(3), 3: 35–50.

Дудина В.И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии, *Социологические исследования*, 2013, 10: 13–21.

Рыкун А., Южанинов К. Для кого и для чего сегодня существует социология в России?, Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008.

Толстова Ю.Н. История методов исследования как отражение эволюции теоретической мысли в социологии, *Социологические исследования*, 2013, 8: 13–23.